

Рокина Г.В.

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА И ПУТЕШЕСТВИЕ В.И. ГРИГОРОВИЧА К ЗАРУБЕЖНЫМ СЛАВЯНАМ

В статье анализируются ключевые моменты формирования славянского вопроса в России в период правления Александра I и Николая I и первый этап становления новой университетской научной дисциплины – славяноведения. Показано значение зарубежных командировок российских славистов в славянские земли, в том числе и казанского слависта – В.И. Григоровича.

Ключевые слова: российское славяноведение, славянский вопрос, русско-австрийские отношения, славянская взаимность, слависты, В.И. Григорович.

В первой половине XIX века для российской общественной мысли и славяноведения, переживающего период своего становления как науки¹, характерным становится все возрастающий интерес к истории зарубежного славянства и его выдающимся представителям. Этому способствовало несколько факторов, решающим из которых можно назвать изменение внешне- и внутриполитической ситуации в Российской империи после ее участие в антифранцузских коалициях начала XIX века. Как известно, период правления Александра I, противоречивый в проводимых внутри страны реформах (линии Н.М. Карамзина и М.М. Сперанского), характеризовался особенно заметными изменениями во внешней политике. После победы в войне 1812 г., участия в качестве страны-победительницы в Венском конгрессе 1815 г. возросло влияние России в европейских делах. Созданием Священного союза Россия объявила свою внешнеполитическую доктрину, в которой особое внимание уделялось противостоянию национально-освободительным движениям, в том числе и славянским. Союзнические отношения с Австрийской империей и Пруссией обязывали Александра I проводить охранительную политику не только внутри страны, но и содействовать в этом своим союзникам.

С другой стороны, во время заграничных походов Россия получила новый опыт общения с Европой. Начатое после Фран-

¹ См.: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005; Славяноведение в дореволюционной России. Изучение истории южных и западных славян. М., 1988. Главы I–II.

цузской революции XVIII в. знакомство с европейскими либеральными и республиканскими идеями было продолжено, а во многом и усилено реформами 1803–1804 гг. в области просвещения. Создание новых университетов и устав 1804 г., предоставивший им автономию их внутренней жизни, также способствовали усвоению опыта европейской общественной мысли. Последствия этих реформ сказались уже во втором десятилетии XIX в.: появление новой профессуры, расширением круга российской интеллигенции. В эти годы вызревали предпосылки для будущих дискуссий, начатых в 1840-х гг. и поставивших в российской общественной мысли дилемму: Восток – Запад.

Одновременно с накоплением знаний о Европе, ее философии, истории, народах идет становление новой научной дисциплины – славяноведения. Без широких контактов с европейским, и в первую очередь чешским славяноведением, которое уже в первой половине XIX в. находилось на высоком уровне, формирование российского славяноведения было бы практически невозможно¹.

В начале XIX века славянский вопрос приобретает новый смысл и звучание². Работы немецких ученых И.Г. Гердера, А.Л. Шлецера, пражских славистов, и в первую очередь П.И. Шафарика, открыли совершенно неожиданный для славян мир: мир, требующий исклочить себя из общего понятия «подданных» европейских и восточных империй. Славяне подсчитали и установили, что они в Европе многочисленнее всех, – таково было общее настроение в первые десятилетия XIX века³. Именно

¹ См. об этом: Мыльников А.С. Об истоках становления славяноведения в России // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 5–42. Среди новейших исследований о становлении российского славяноведения стоит отметить работы: Макарова (Недашковская) Н.И. Из истории первых университетских научных школ славяноведения в России: наследие В.И. Григоровича // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 149. Кн. 2. Казань, 2007; Недашковская Н.И. «Европа есть собственное полуостров Азии...»: пространственные идеологемы в научных текстах славистики XIX века // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Кн. 2, ч. 1. Казань, 2009.

² Среди классических работ о славянском вопросе см. сборник, посвященный памяти отечественного слависта В.А. Дьякова: Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997. Здесь на примере истории различных славянских народов показаны роль и значение идеи славянской общности или идеи славянской взаимности в XIX – начале XX веков.

³ См.: Рокина Г.В. Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX века. Йошкар-Ола, 1998; Коллейка Й. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964. С. 36.

тогда и возникли различные программы славянских объединительных движений, вполне соответствующих духу своего времени – идеологии романтизма и мессианства. Ссылки на славянскую общность стали в этот период дополнительным аргументом в национальной борьбе и часто использовались при формулировке доктрин национального единства. В российском общественном мнении славянский вопрос трактовался прямо противоположно тому, как он рассматривался в официальной внешнеполитической доктрине России – участнице Священного союза.

Студенты российских университетов обсуждали идеи о «соединении и всех славянских племен в одно целое, в одно государство» уже в 1820-е годы¹. Эти идеи выводились из этнокультурной специфики славян, обосновывавшейся в исследованиях ученых-славистов. Круг, подтверждающий признаки славянской общности источников, постоянно расширялся, ученые-слависты вели поиски новых подтверждений языкового и культурного единства славян. Под знаком идеи общности славянских народов проводил историко-археологические работы Ян Потоцкий, сравнительно-историческое изучение славянских языков провел Й. Добровский. Выше упоминались фундаментальные труды П.И. Шафарика: «История славянских литератур» (1826), «О происхождении славян» (1828), «Славянские древности» (1837), «Славянская этнография» (1842). Польский ученый В. Мацеевский провел сравнительное исследование славянского права (История славянских законодательств. 1832–1835). В сочинениях деятелей иллиризма прошлое хорватов представало как часть истории южных славян (труд И. Швеара «Зеркало Иллириума», 1839–1842). В 1820-е годы появляются знаменитые труды по истории болгар и словенцев русского ученого Ю.И. Венелина («Древние и нынешние болгары в политическом народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам», 1829; «Древние и нынешние словене в политическом народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам», 1841).

Новые литературные языки славян, создававшиеся в результате сознательной деятельности ученых и литераторов (Й. Добровский, Й. Юнгманн, Л. Штур, В. Караджич, Н. Рылский, П. Берон и др.), стали важнейшим стимулом и показателем процессов славянского возрождения, происходивших в Австрийской и Османской империях в первой половине XIX века. Все эти процессы находили отражение в развитии российского славяно-

ведения и активно обсуждались среди российских интеллектуалов, формулируя таким образом славянский вопрос в общественной мысли России.

Начальный этап развития российского славяноведения хронологически совпадает с возникновением в России славянского вопроса. В условиях отсутствия практики парламентаризма он появляется как тема для обсуждения в периодической печати, в публичных лекциях университетских профессоров, в переписке и дневниках российских интеллектуалов. В преддверии Крымской войны славянский вопрос сформировал общественное понятие о роли славян во внешней политике России¹.

Наращение в первой половине XIX века интереса русского общества к зарубежным славянам и связям с ними объяснялись, прежде всего, внутренними процессами, протекавшими в России. Развитие национального самосознания побуждало общественность к познанию прошлого русского народа для понимания его настоящего положения, к уяснению его сходства и отличий от этнически родственных западных и южных славян. Путь самопознания проходил через знакомство с историей и современной общественной жизнью этих народов. Все вышеперечисленные издания зарубежных славянских авторов стали известны в России благодаря деятельности русских славистов, которые познакомились не только с этими сочинениями, но и с большим трудом авторов в период командировок по славянским землям. Кроме научного и культурного интереса славянская тематика проявила себя и во внутриполитических событиях, в частности – движении оппозиционного дворянства – декабристов. Как отмечают исследователи, только декабристы пытались связать с вопросом освобождения славян при помощи России задачи революционного переустройства старого строя².

Известно, что декабристы разработали план создания федеративных союзов и национальных государств на Балканах. Именно в «Южном обществе» и «Обществе соединенных славян» впервые возникли проекты создания балканской и славянской федераций. Для осуществления этих проектов не исключалась возможность ведения войн революционной Россией с Ав-

¹ См.: Рокина Г.В. Теория и практика славянской взаимности. Казань, 2005.

¹ Rokinova G. Panslavizmus a liberalizmus v ruskej historiografii a spory o hodnotenie «slovanskej vzajomnosti» // Vychodna dilemma Strednej Europy / T. Yvantsynova, D. Kodajova a kol. Bratislava, 2010. S. 42–51.

² Орлик О.В. Декабристы и внешняя политика России. М., 1984. С. 101.

стрийской и Османской империями¹. В созданное декабристами тайное «Общество соединенных славян» входили Петр и Андрей Борисовы, М. Спиридонов, И. Горбачевский, В. Бечаснов, А. Пестов, Ю. Андреевич, Ю. Люблинский, А. Тютчев, которые позже были преданы Верховному уголовному суду России². Целью общества было объединение всех славянских народов в одну демократическую федерацию. Членами федерации должны были стать Россия, Польша, Богемия, Моравия, Венгрия с Трансильванией, Сербия, Молдавия, Валахия, Далмация и Кроация. По мнению академика М.В. Нечкиной, члены «Общества соединенных славян» считали венгров славянами³. Учитывая, что это были 1820-е гг., вполне вероятно, что члены общества повторили частое заблуждение того времени, когда словаков называли венгерцами. С другой стороны, это был показатель того образования, которое они получили в период до создания в российских университетах кафедр истории и литератур славянских наречий.

С 1825 года в России начинается правление императора Николая I, ознаменованное событиями на Сенатской площади. Последствия выступлений 14 декабря имели и «славянский аспект». Когда стала известна причастность декабристов к организации «Общества соединенных славян», меняется отношение официальной России к значению славянского вопроса в общественной жизни. С этого времени славянская тематика в России все более приобретает политический оттенок, утратив прежний научно-академический характер⁴. Это происходило порой независимо от желания ученых, связанных со славянским вопросом самим предметом своих научных изысканий, приносящих новые материалы и наблюдения, которые использовались в качестве основы для политических выводов.

О славянах писали все видные российские журналы первой половины XIX века. В начальное десятилетие материалы заимствовались главным образом из немецких изданий. Одним из первых начал писать о положении и культуре славян «Вестник

¹ Орлик О.В. Основные вопросы изучения внешнеполитических взглядов декабристов: методологические аспекты // Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России. М., 1896. С. 155.

² Нечкина М.В. Декабристы. М., 1983. С. 99–104.

³ Там же. С. 100.

⁴ О славянской программе декабристов см. также: Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 222–326; Нечкина М.В. Декабристы. М., 1983. С. 99–104; Орлик О.В. Декабристы и внешняя политика России. М., 1984; Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. С. 58–66.

Европы», основанный в 1802 г. Н.М. Карамзиным. «Сын Отечества» Н.И. Греча постоянно размещал на своих страницах подборки о славянах, с 1822 г. в журнале даже появляется специальный раздел «Славянская литература». «Московский телеграф» Н. Полевого за короткое время своего существования (1823–1834 гг.) неоднократно обращался к славянским сюжетам. Подобная судьба сложилась и у «Телескопа» (1831–1836 гг.), также закрытого цензурой. Этот журнал Н.И. Надеждина успел сделать очень много для пропаганды славянской проблематики. «Отечественные записки». «Москвитянин», славянофильская пресса и часть специализированных изданий первой половины XIX в. успешно освещали славянский вопрос.

С установлением налаженных связей русских ученых со славянскими общественными деятелями, информация стала поступать из первых рук. Развитию таких контактов способствовали поездки русских ученых в славянские земли в 1830–1840-е гг. Там побывали П.И. Прейс, О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, В.И. Григорович. В Европе эти научные командировки русских славистов чаще всего оценивались как панславистская деятельность.

Отъезжающие в славянские земли кандидаты на получение места на вновь открывающихся в российских университетах кафедрах истории и литератур славянских наречий получали от Министерства народного просвещения четкие установки, касавшиеся маршрута и целей их путешествия. Министерство делало акцент на сбор фактического материала для конкретных исследований языков, литератур и т. д., а встречи с европейскими славистами должны были обеспечить трансляцию накопленных ими знаний. Путешественник должен был регулярно представлять отчет о проводимых исследованиях и других занятиях.

Программа составлялась, таким образом, на основе указаний министерства, но перерабатывалась ученым в соответствии с его видением будущего путешествия и затем утверждалась в том же министерстве. Поэтому каждая из состоявшихся поездок отличалась от всех других¹.

Во время путешествий первых российских славистов и общественных деятелей П. Кеппена, И. Срезневского, О. Бодянского, М. Погодина, В. Григоровича, Н. Надеждина, Т. Грановского, Н. Гоголя в славянские земли Австрийской империи обязательным маршрутом было посещение лидеров чешского и словацкого

¹ См.: Макарова (Недашковская) Н.И. Из истории первых университетских научных школ славяноведения в России...

го движения – П. Шафарика, Я. Коллара и Л. Штура¹. По мнению ряда исследователей, эти поездки носили миссионерский характер и внедряли русскую всеславянскую идею, поддерживая чехословацкий раскол. На наш взгляд, на первом месте в поездках русских деятелей стояли научные цели. Миссионерская функция исполнялась независимо от их действий. Сам факт посещения славянских лидеров представителями великой Российской державы (а именно так воспринималась Россия в то время в Австрии) уже имел миссионерское, политическое влияние.

В славистической литературе наименее всего исследовано путешествие казанского слависта В.И. Григоровича. Известно, что будущий профессор Казанского, а затем Новороссийского университетов во время путешествия познакомился с автором теории славянской взаимности, известным деятелем чешского и словацкого национального возрождения Я. Колларом. В «Краткой записке о путешествии магистра Казанского университета Григоровича» читаем: «В Пеште ознакомился с Сербской Матицей и посещал чешско-словацкого поэта г. Коляра»². Романтизм колларовой концепции, его вера в будущее славян во многом отвечали устремлениям молодого слависта. Как указывал И. Срезневский, Григорович в 1843 г., в Казани, еще до личного знакомства со словацким поэтом, в «кругу любителей прозы и поэзии» читал лекцию о Колларе³. Из путешествия Григорович привез богатую библиотеку и редкое собрание славянских рукописей⁴.

¹ Тема путешествий русских ученых в славянские земли подробно исследована в литературе. См.: Францев В.А. Очерки по истории чешского возрождения: русско-чешские ученые связи конца XVIII – первой половины XIX столетий. Варшава, 1902; Смирнов С.В. Первые русские слависты и Чехия // Труды по русской и славянской филологии. Ученые записки Тартуского университета. 1973. С. 47–176; Никулина М.В. Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в истории русского славяноведения // Из истории славяноведения в России. Ученые записки Тартуского университета. 1981, С. 75–94; Рокина Г.В. Указ. соч. и др.

² Краткая записка о путешествии магистра Казанского университета Григоровича // Журнал Министерства народного просвещения. 1847. Ч. 54. № 6. С. 31; Донесение В.И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915; Бернштейн С.Б. Памяти В.И. Григоровича // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 24. Вып. 4. М., 1965.

³ См.: Francev V.A. Ohlasy Kollárovej rozpravy // Slovanská vzájemnosť. Sborník. Praha, 1902. S. 200.

⁴ Иванова Л.М. Архив В.И. Григоровича // Записки Отдела Рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1953. Вып. 15. С. 5–17; Воспоминания о профессоре В.И. Григоровиче: Из записок казанского студента // Русское и славянское языкознание в России середина XVIII–XIX вв. Л., 1980. С. 118; Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича. Казань, 1978.

Как свидетельствуют архивные изыскания казанского ученого Л.П. Бурмистровой, в 1861 г. В.И. Григорович прочитал публичную лекцию «Об истории и литературе славян»¹. Она же сообщает, что в Казани Григорович подготовил для университетских студентов курс «Славянские древности» на основании лингвистических, археологических, этнографических данных и письменных источников, которые он собрал за границей. Среди наиболее знаменитых учеников В. Григоровича, впоследствии ставших учеными-славистами, был профессор славянской филологии Казанского университета М.П. Петровский².

На фоне сложных международных отношений после Венского конгресса, ожесточения борьбы республиканских и имперских настроений в период правления Николая I, усиления европейских национальных движений славянская проблема, а тем более вопрос славянской взаимности, неизбежно были обречены на политизацию. Этому способствовала и позиция европейских парламентов и прессы, которые увидели угрозу в росте интереса российской общественности к славянской проблематике. Уже в конце 1820-х гг., особенно в 1830-е гг., в Европе, как реакция на национальные славянские движения, моральную поддержку со стороны России появляется пугало – фантом панславизма. В этой связи произошло охлаждение австро-российских отношений, когда в 1840 г. Вена отозвала своего прорусски настроенного посла графа Фикельмона.

Теперь любые проявления идеи славянской взаимности в научных и культурных контактах российской интеллигенции и представителей славянских движений приобретали панславистскую окраску. В 1845 году в западной публицистике появилась брошюра И. Шлоссера «Восточно-православная церковь и европейский Запад»³. Автор убеждал читателей, что существующая угроза панславизма может смести западную цивилизацию. По его мнению, русские являются агентами панславизма и используют все средства, чтобы распространить в Европе православие. Действительно, архивные материалы подтверждают тот факт, что Николай I и Святейший Синод через графа Нессельроде способствовали пересылке религиозной литературы для православ-

¹ Бурмистрова Л.П. Публичные лекции профессоров и преподавателей Казанского университета XIX в. Казань, 2002. С. 69.

² См.: Сергеев А.В. Указ. соч. С. 19.

³ Schlosser J. Die morgenländisch-orthodoxe Kirche und das europäische Abendland. Heidelberg, 1845. 132 s.

ных подданных Австрийской империи¹. В ответ на заботу Петербурга о православных в Австрии Меттерних проявляет особый интерес к католикам и протестантам в России².

Таким образом, к середине XIX века сложились благоприятные обстоятельства для развития межславянских отношений, построенные на научной базе университетского и академического российского славяноведения. Важную роль в создании этой основы сыграли славянские путешествия первых русских славистов. После поражения в Крымской войне Россия уже не скрывает, а порой и демонстрирует интерес к славянам Австрийской империи. Несмотря на сохранявшийся нейтралитет, Петербург кардинально изменил отношение к Вене. Александр II сделал ставку на союз с национальным движением австрийских славян. Его министр внешних дел князь Горчаков известен своей неприязнью к венским кабинетам. Русский историк А.А. Кочубинский писал об этом времени несколько лет спустя: «Эпоха последнего полувека – это время Николая I и Александра II, это две политики в славянском вопросе, различные по своим стремлениям и по своим результатам. На меже этих двух политик стоит одно событие, нам много памятное – Севастополь»³. Славян Австрии он называет «интимными поверенными нашей политики» времен Николая I. Кочубинский объясняет причины холодного отношения России к славянскому движению в Австрийских землях в первой половине XIX века. Главным образом, это поддержка чехами польского восстания и политика столкновения Меттерниха, негативное отношение западного славянства к разгрому русскими войсками венгерского восстания 1848 года. Кочубинский оценивает славянскую политику России предшествующего периода как «проавстрийскую». Он приводит интересное письмо серба, поэта из Далмации, Томашича к В. Григоровичу, содержащее яркую характеристику славянской политики России первой половины XIX века. «Путешествуя по ...славянским землям,

¹ Впервые эти архивные материалы ввела в научный оборот О.В. Павленко в своей работе: Культурные и политические аспекты «православной миссии» России в землях австрийских славян в XIX в. // Российское общество и зарубежные славяне в XVIII – начале XIX в. Балканские исследования. М., 1992. Вып. 16. С. 89–105.

² В 1845 г. при встрече Меттерниха с Николаем I австрийский канцлер пытался узнать, «будет ли император жить в мире с 14 или 15 миллионами своих католических, протестантских или еврейских подданных». См. об этом в письме Меттерниха к графу Аппони 24 ноября 1845 г. (Татищев С.С. Николай I и австрийский двор // Исторический вестник. 1887. Февраль. С. 385).

³ Кочубинский А.А. Наши две политики в славянском вопросе // Исторический вестник. 1881. С. 201.

Вы не слишком верьте тем симпатиям, которые производит кое-где имя русского. Правда, это чувство вполне законного братства; надеюсь, время сделает его более и более живым; но это только несчастное положение, в котором находится некоторая народность, или, лучше, некоторые личности, которое заставляет их желать того, чего они никогда не достигли бы и что было бы для них последним из несчастий»¹. Такое откровенное высказывание Томашича в письме к казанскому слависту, говорит о сложившихся доверенных отношениях в период заграничной командировки В. Григоровича.

После Крымской войны, уже к началу 1860-х годов отказ от традиционного проавстрийского курса, сосредоточение России на славянской политике было официально сформулировано в документах Министерства иностранных дел России. В отчете МИД за 1866 год было записано: «Россия должна взять на себя моральное руководство славянскими движениями»². Славянский вопрос, который можно отнести к традиционным геополитическим ценностям России, начиная с середины XIX века представлял собой не только комбинацию конкретных дипломатических шагов по усилению сферы влияния России на Балканах и в Центральной Европе, но и стал материалом для построения различных концепций ее особой мессианской роли в мировой истории, одним из основных источников процесса самосознания российской нации.

Библиография

- Бурмистрова Л.П. Публичные лекции профессоров и преподавателей Казанского университета XIX в. Казань: Изд-во КГУ, 2002.
- Донесение В.И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915.
- Кочубинский А.А. Наши две политики в славянском вопросе // Исторический вестник. 1881.
- Краткая записка о путешествии магистра Казанского университета Григоровича // Журнал Министерства народного просвещения. 1847. Ч. 54. № 6.
- Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: «Индрика», 2005.
- Макарова (Недашковская) Н.И. Из истории первых университетских научных школ славяноведения в России: Наследие В.И. Григоровича // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 149. Кн. 2. Казань, 2007.

¹ Там же. С. 230.

² Отчет МИД (1866) был опубликован С.А. Никитиным. См.: Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., 1970. С. 150.

- Недашковская Н.И. «Европа есть собственно полуостров Азии...»: пространственные идеологемы в научных текстах славистики XIX века // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 151. Кн. 2, ч. 1. Казань, 2009.
- Никулина М.В. Первые научные путешествия в славянские земли и их роль в истории русского славяноведения // Из истории славяноведения в России. Ученые записки Тартуского университета. 1981. С.75-94.
- Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970.
- Павленко О.В. Культурные и политические аспекты «православной миссии» России в землях австрийских славян в XIX в. // Российское общество и зарубежные славяне в XVIII – начале XIX. Балканские исследования. М., 1992. Вып. 16. С. 89–105.
- Рокина Г.В. Теория и практика славянской взаимности. Казань: Изд-во Казанского государственного ун-та, 2005.
- Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича. Казань: Изд-во КГУ, 1978.
- Смирнов С.В. Первые русские слависты и Чехия // Труды по русской и славянской филологии. Ученые записки Тартуского университета. 1973. С. 47-176.
- Францев В.А. Очерки по истории чешского возрождения: русско-чешские ученые связи конца XVIII - первой половины XIX ст. Варшава. 1902.

Рокина Галина Викторовна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола; galina@rokina.ru

SLAVIC QUESTION IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: V.I. GRIGOROVICH'S TRAVEL TO SLAVIC LANDS ABBROAD

This article analyzes the key stages in developing the Slavic question in Russia during the reign of Alexander I and Nicholas I and the first phase of development of Slavic Studies as a new University subject. The paper demonstrates the importance of foreign trips by Russian Slavic scholars, including Kazan Slavist V.I. Grigorovich, to Slavic lands abroad.

Key words: study of the history and literature of the Slavs, Slavic question, Russian-Austrian relations, Slavic mutuality, V.I. Grigorovich.

Rokina Galina Viktorovna, Doctor of History, Professor, Department of General History of Mari State University, Yoshkar-Ola; galina@rokina.ru

УДК 94(367):929"18"

Белов М.В.

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСИ В.И. ГРИГОРОВИЧА В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНО-БАЛКАНСКИХ ТРАВЕЛОГОВ ЕГО ВРЕМЕНИ

Научный травелог В.И. Григоровича был составлен на основании его донесений попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину, которые подверглись минимальной правке. Помимо условий выхода книги, эмоциональную и литературную скупость травелога Григоровича, вероятно, определила специфика личности и карьерного пути ученого.

Ключевые слова: В.И. Григорович, история славистики, литература путешествий.

В не самое удачное для отечественной славистики время, в 1848 г. в «Ученых записках Казанского университета» был опубликован «Очерк ученого путешествия по Европейской Турции» Виктора Ивановича Григоровича. Когда уже в следующем веке, спустя 67 лет после первого издания «Очерка», Н.М. Петровский опубликовал донесения Григоровича попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину¹, читателю, сравнившему их тексты, было очевидно, что они в основном совпадают. «Очерк» представляет собой подвергнутый лишь минимальной правке вариант тех же донесений. Как указывает автор одной из биографической статей о Григоровиче (С.Б. Бернштейн), «к сожалению, издание было осуществлено наспех и в него вкралось много ошибок и опечаток. Есть сведения, что Григорович позднее много работал над подготовкой нового издания. И.И. Срезневский утверждал, что существовала новая редакция «Очерка». Однако после смерти Григоровича в его бумагах она не была обнаружена»².

Хорошо известно, что путешествие Григоровича, которое состоялось несколько позднее заграничных поездок других предста-

¹ Петровский Н.М. Путешествие В.И. Григоровича по славянским землям // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 12. С. 220–221. История работы Петровского над наследием Григоровича раскрывается в его переписке: И это всё пройдет... Судьба и время: русские интеллигенты в начале XX в. Переписка Нестора Мемноновича Петровского и Сергея Ивановича Порфирьева (1899–1921 гг.). Казань, 2012: № 85. 5 июля 1914 г.; № 88. 7 ноября 1914 г.; № 89. 22 декабря 1914 г.; № 90. 18 января 1915 г.; № 91. 30 января 1915 г.; № 92. 20 марта 1915 г.; № 93. 21 марта 1915 г.; № 94. 19 апреля 1915 г.; № 95. 30 апреля 1915 г.

² Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 132.